

УДК 342.9(075)

О. И. ЯХНОВИЧ

ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЛУЖЕБНОЙ ТАЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1772–1917 гг.)

В статье рассмотрены и проанализированы основные этапы генезиса правового регулирования в Российской империи служебной тайны как самостоятельного вида информации ограниченного доступа. В частности, посредством анализа базы источников определен субъект-объектный состав соответствующих правоотношений служебной тайны на указанном этапе развития. В заключение обозначены ключевые выводы и результаты, полученные в ходе изучения представленного вопроса.

O. I. YAKHNOVICH

GENESIS OF LEGAL REGULATION OF OFFICIAL SECRECY ON THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE PERIOD OF THE RUSSIAN EMPIRE (1772–1917)

ЯХНОВИЧ
Олег Игоревич,

аспирант юридического факультета Белорусского государственного университета

The article describes and analyzes the basic stages of the genesis of the legal regulation of official secrecy, as an independent type of restricted information, in Russian empire. In particular, by analyzing the source base the author defines the subject-object structure of the relevant legal relations in this stage of development. In the conclusion, it was highlighted the key outputs and results obtained during the study of this issue.

Введение

Правовое регулирование служебной тайны в период существования Российской империи является одним из основных этапов в развитии правового института служебной тайны, фазой его становления.

В юридической и исторической литературе современной Беларуси отсутствуют научные исследования, направленные на изучение рассматриваемого вопроса. В Российской Федерации имеются некоторые работы, косвенным образом затрагивающие отдельные моменты ретроспективного развития правового регулирования служебной тайны в Российской империи. Однако в данных работах подобные аспекты не входят в круг задач проводимых исследований и имеют исключительно описательный характер в качестве дополнения к анализируемым проблемам, поэтому становится очевидной необходимость проведения научного исследования с целью более полного понимания и уяснения сущности служебной тайны как правового феномена.

В связи с этим в качестве цели настоящего исследования полагаем возможным определить изучение, оценку и определение влияния уровня правового регулирования служебной тайны в Российской империи на окончательное формирование служебной тайны в Республике Беларусь в настоящее время.

Разрешение указанного вопроса позволит не только определить последствия правовой регламентации рассматриваемого правового феномена в рамках «имперского» периода, но и установить степень, а также уровень влияния такого урегулирования на современное состояние служебной тайны.

Основная часть

Правовое регулирование служебной тайны следует начинать с 1772 г. – времени вхождения в состав Российской империи первых территорий современной Беларуси. В результате завершившейся в 1795 г. инкорпорации на белорусских землях стали постепенно формироваться новые органы государственной власти. И хотя до 1840 г. на территории современной Беларуси продолжали использовать Статут 1588 г., его нормы не регламентировали служебные отношения, складывавшиеся по поводу осуществления служебно-информационных функций должностными лицами государственных органов Российской империи.

Правовая регламентация таких отношений осуществлялась в данный период посредством нормативных актов, определявших порядок и функционирование органов государственной власти нового государства – Российской империи (Государственного Совета, Правительствующего Сената, министерств, иных государственных органов), нормативных актов уголовного права, а также нормативно-методических документов, анализ нормативных положений которых позволяет выяснить среди прочего существование либо отсутствие прообраза современной служебной тайны.

Так, п. 56 Учреждения Государственного Совета [1, с. 10] закреплена категория «совершенная тайна» в отношении проектов положений и уставов, и, несмотря на то что в нем отсутствуют какие-либо признаки, позволяющие идентифицировать подобную информацию как служебную тайну, следует все же отметить возможность ее ассоциации с данной категорией, учитывая субъектный

состав (члены Государственного Совета). Помимо этого п. 96 содержит обязанность Председателя и членов Государственного Совета исполнять «общее постановление о хранении канцелярской тайны» [1, с. 16], не называя при этом содержания такой информации, тем самым делая указанных лиц субъектами сразу двух видов тайн – совершенной и канцелярской тайны.

В дополнение к этому отметим, что Н. М. Коркуновым была опубликована форма Присяги членов Государственного Совета, из текста которой становится ясным наличие в данном органе информации ограниченного доступа в целом и обязательства ее защиты соответствующими лицами: «Мы нижепоименованные, быв призваны к присутствию в Государственном Совете, обещаем ... сохранять все рассуждения и положения Совета в надлежащем уважении и тайне» [2, с. 67]. Существование самой формы присяги подчеркивает также важность этического фундамента правовой обязанности указанных лиц по сохранению отдельных сведений в тайне – необходимого прецедента для развития этического концепта системы правового регулирования служебной тайны впоследствии.

Министерства, установленные с целью «непрерывного действия их и надзора доставить законам и учреждениям скорое и точное исполнение» (п. 190), относились к системе органов исполнительной власти. В соответствии с Общим учреждением министерств определены фундаментальные положения касательно осуществления делопроизводства по «делам, тайне подлежащим» и «секретным делам» (п. 54, 55, 57, 59, 62, 67, 296). Так, п. 55 оговаривает порядок нанесения на «дела, подлежащие тайне» таких реквизитов, как «в собственные руки» либо «нужное», в зависимости от степени срочности предоставления подобной информации. При этом «дела секретные и нужные немедленно представляются Министру» (п. 57).

Вместе с тем приведенный нормативный акт не осуществляет четкого и однозначного разграничения «дел, тайне подлежащих» и «секретных дел», применяя, по сути, одинаковый правовой режим защиты содержащейся в них информации. По нашему мнению, учитывая характер содержащейся в подобных делах информации, а также порядок их обращения в государственных органах, можно утверждать, что «дела, тайне подлежащие» являлись совокупностью документов, содержащих сведения, тайне подлежащие, т. е. канцелярскую (служебную) тайну, а «секретные дела» – государственную тайну.

Судебная власть в Российской империи принадлежала Сенату и местам судебным (п. 213) [1, с. 29]. Учреждение Правительствующего Сената также содержит нормы, регулирующие отношения по поводу информации ограниченного доступа. В частности, п. 28 указывает на наличие канцелярских «дел, подлежащих тайне» и отделение их от всех иных дел, тем самым относя Правительствующий Сенат к субъектам канцелярской (служебной) тайны. В свою очередь, п. 96 и 252 обязывают членов Государственного Совета и сенаторов Правительствующего Сената «строго соблюдать канцелярскую тайну». В то же время, учитывая субъектный состав данного органа (п. 8), можно утверждать, что данная обязанность налагалась среди прочего на министров и их заместителей («товарищей»), генерал-губернаторов и военных губернаторов.

Дополнительно п. 303 определяет в качестве субъектов, несущих обязанность хранить канцелярскую тайну, служащих канцелярии («канцелярских чинов и служителей»), а также определяет содержание такой информации – «положение производства дел, резолюции, голоса и мнения сенаторов» и устанавливает в случае ее распространения применение «всей законной строгости». Между тем замечаем, что данная обязанность происходит из нормы ч. 2 гл. 1 «О присяжной должности» Генерального регламента от 28.02.1720 (далее – Регламент) [3], устанавливающей, что членам государственных коллегий и «прочие чины гражданские обще» следует «какое тайное дело ... приказано мне будет тайно содержать, и то содержать в совершенной тайне».

В дополнение отмечаем, что канцелярская тайна получила первоначальное законодательное закрепление в гл. 37 «О содержании в коллегиях и канцеляриях дел тайно» Регламента, определившей канцелярию и ее служащих в качестве субъектов, ответственных содержать в тайне «такие дела, которые его царского величества высокой службе и интереса касаются, тайно содержаны», связывая, таким образом, тайну с «высокой службой и интересом».

Касательно местного управления, следует отметить, что в соответствии с п. 3 Свода общих губернских учреждений [4, с. 1] на основании Общего губернского учреждения управлялись Виленская, Витебская, Гродненская, Минская и Могилевская губернии, т. е. на землях с преобладающим белорусским этносом. В свою очередь, п. 12 указывает на организацию власти на местах: правительственные, судебные и полицейские ведомства.

Организация работы с информацией ограниченного доступа в соответствующих ведомствах не была упорядочена посредством целостной группы норм и характеризовалась в основном правовой регламентацией отдельных ее аспектов. Так, п. 195 определял простановку надписи «секретное» как на почтовом пакете, так и на бумаге, входившей в состав дел, тайне подлежащих. При этом отмечалось, что в реестрах о получении указов (т. е. в регистрационных формах) не прописывается содержание секретных указов в отличие от иных (несекретных) указов. Содержание п. 709 указывает на то, что Канцелярией губернатора велись особые реестры, среди которых отмечен реестр дел секретных.

Управленческие результаты деятельности губернии представлялись начальником губернии (в частности, генерал-губернатором, губернатором) в общем ежегодном отчете императору (п. 677). Помимо общей информации, составлявшей содержание таких отчетов, начальниками губерний предоставлялась императору информация частного характера (п. 679).

Формально-логический анализ указанной информации позволяет, во-первых, сделать вывод о примерном содержании канцелярской тайны, заключающей в себе:

- информацию о поведении и способностях молодых людей, поступивших на службу в губернские учреждения;
- происшествиях и чрезвычайных ситуациях;
- лицах, находящихся под надзором полиции;
- ежемесячные ведомости о выдаче заграничных паспортов;

– ежемесячные ведомости об иностранцах, присягнувших на подданство России.

Во-вторых, примечателен сам факт юридического закрепления содержания частной информации, представляемой в отчетах начальников губерний в общегосударственном нормативном акте, что явилось необходимым прецедентом для дальнейшего поступательного развития, наряду с государственной и военной тайнами, канцелярской (служебной) тайны.

Тем временем социально-политические события, произошедшие в Российской империи в начале XX в., создали необходимую основу для появления новых элементов системы государственных органов, а также некоторой реорганизации старых институтов.

Государственная дума, образовавшаяся в результате активных социально-политических событий в Российской империи в начале XX в., являлась органом «для предварительной разработки и обсуждения законодательных предположений, восходящих, по силе Основных Законов, чрез Государственный Совет, к Верховной Самодержавной Власти» [5, с. 640–641]. Руководствуясь Учреждением указанного органа [5, с. 640–645] – нормативным актом, устанавливавшим компетенцию и порядок ее работы, представляется возможным констатировать следующее.

Положения п. 42–45 регламентировали право проводить заседания Государственной думы в закрытом режиме. Пункт 43 предусматривал возможность проведения закрытых заседаний в случае, если предметом обсуждения являлись дела, содержащие государственную тайну. В свою очередь, отдельной нормы об информации, составлявшей канцелярскую (служебную) тайну, нет, что приводит к мысли об отсутствии таких сведений в отношении рассматриваемого органа и в рамках всей законодательной ветви власти в целом.

Земские учреждения (губернские и уездные комитеты, губернские и уездные управы), управлявшие земским хозяйством с широкими полномочиями, предоставленными центральной властью, окончательно юридически оформились на территории современной Беларуси вследствие принятия Положения об управлении земским хозяйством в губерниях Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской от 02.04.1903 [6] и именного указа «О распространении действия Положения о земских учреждениях на Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую губернии» от 14.03.1911 [7].

Специфика их организационного устройства (в частности, наличие в их аппарате государственных служащих – губернаторов) [6, с. 339], активные информационно-коммуникационные сношения с вышестоящей организацией (Министерство внутренних дел) и иными центральными органами власти [6, с. 339; 7, с. 173], а также наличие канцелярских подразделений и соответствующей категории служащих [6, с. 342] позволяет говорить о существовании среди всей совокупности информации такого вида тайны, как канцелярская (служебная) тайна.

Кроме подобных положений, закреплявших некоторые аспекты работы с информацией ограниченного доступа в отдельных государственных органах, существо-

вали и общие нормы, определявшие на законодательном уровне обязанность государственных служащих хранить различные виды тайн.

Например, п. 1191 Устава о службе [8, с. 251] по определению от правительства устанавливал, что «всякую вверенную тайну, касающуюся службы и пользы Его Императорского Величества, каждое состоящее в службе лицо обязано хранить свято и ненарушимо и никому не сообщать, кому о том ведать не надлежит и кому не велено будет объявлять». В данном случае употреблено абстрактное понятие «всякая вверенная тайна», под которой можно понимать и формировавшуюся тогда канцелярскую (служебную) тайну, представлявшую собой основной вид информации ограниченного доступа государственных служащих («состоящее в службе лицо»), с чем согласны и некоторые российские исследователи.

Рассматривая обязанности лиц, состоящих на гражданской службе, следует упомянуть и о нормативном закреплении положений и принципов служебной этики (п. 1187) [8, с. 251], которые, безусловно, коррелировали с обязанностью хранить «всякую вверенную тайну», вследствие чего, по нашему мнению, представляли собой важный прецедент взаимосвязи правового и этического начал канцелярской (служебной) тайны.

Особую ценность в вопросе изучения генезиса правового регулирования служебной тайны в период Российской империи, в частности, играют немногочисленные ведомственные инструкции по делопроизводству, закреплявшие порядок создания, обработки, хранения, получения подобной информации.

Учитывая особый статус белорусских земель в составе Российской империи и постоянную дислокацию регулярной императорской армии, считаем необходимым сконцентрировать внимание на одной из таких инструкций – Положении о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве (далее – Положение) [9].

В соответствии с Положением определялся порядок обработки документированной информации ограниченного доступа. Так, согласно п. 16 среди общего количества всех «особых» бумаг, образовывавшихся в результате деятельности военного ведомства, выделялись бумаги, «составляющие секретную переписку», с грифами «секретно» или «не подлежит оглашению».

В свою очередь п. 17 содержал позиции по разграничению документированной информации, на которой проставлялись гриф «секретно» (например, о формировании новых частей, о пунктах сосредоточения войск, о степени их готовности и т.д.) и гриф «не подлежит оглашению», когда документированная информация «не составляет тайны, но должна быть известна лишь определенному кругу лиц». Принимая во внимание, что при производстве последней допускалось участие писарей (канцелярских служащих), а соответствующая информация не была общедоступна, хотя и не являлась «тайной», полагаем, что именно она и содержала канцелярскую (служебную) тайну, а документированная информация с грифом «секретно» – военную тайну, являвшуюся подвидом государственной тайны.

Пунктами 55, 62, 66, 69, 75–77 устанавливались особенности проведения делопроизводственных операций

в отношении документированной информации ограниченного доступа (в частности, порядок вскрытия конвертов, занесения регистрирующих надписей в журналы, производства описей соответствующих дел и их хранения).

Указанное Положение для того времени стало необходимым результатом, вектором для последующего развития правовой и организационной культуры, применения унифицированных и системных тенденций к порядку обращения с информацией ограниченного доступа и канцелярской (служебной тайной), в частности.

Существовали также акты (проекты актов) уголовного законодательства Российской империи, определявшие составы преступлений, связанных с нарушением правового режима канцелярской (служебной) тайны. Так, § 297 Проекта Уголовного уложения Российской империи [10] (гл. 9 «О наказаниях за преступления чиновников по их должностям») определяет именно служащих органов государственной власти как потенциальных преступников за раскрытие содержание вверенных по службе дел, в том числе содержащих «особенную тайну», под которой подразумевалась, учитывая субъектный состав и характер налагавшейся санкции, служебная тайна в ее сегодняшнем понимании.

Пунктом 468 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [11, с. 1–602] устанавливалось наказание за разглашение дел, подлежащих тайне, и «недозволенное сообщение кому-либо бумаг, отмеченных надписью «секретно», т. е. содержащих, по всей вероятности, канцелярскую (служебную) тайну. Исходя из анализа санкции данного пункта (отрешение от должности или исключение из службы), можно утверждать о должностных лицах, находившихся на службе в органах государственной власти как основном виде субъектов описываемого в нем состава преступления.

Уголовное уложение, утвержденное 22 марта 1903 г. [12], заменило уложение 1845 г. и на качественно новом уровне разъяснило и дополнило составы преступлений, связанных с разглашением канцелярской (служебной) тайны. Эволюционное достижение состоит в том, что законодатель указанным актом сделал попытку систематизировать все виды информации ограниченного доступа (личная, коммерческая, профессиональные тайны) посредством описания составов соответствующих преступлений в рамках одной отдельно взятой главы – гл. 29 «Об оглашении тайн».

Тем не менее канцелярская (служебная) тайна не получила закрепления в данной главе. Это обстоятельство можно объяснить ассоциированием законодателем представленного вида юридических тайн исключительно с конкретным типом субъектов – служащими, находившимися на государственной службе. Именно вследствие этого разглашение канцелярской (служебной) тайны урегулировано нормами пунктов, содержащихся в гл. 37 «О преступных деяниях по службе государственной и общественной».

Уголовное наказание за нарушение порядка обращения информации, содержащей канцелярскую (служебную) тайну, которую Н. К. Рудый называет «тайной правительственных распоряжений» [13, с. 1], а А. М. Ульянченко – «служебной тайной» [14, с. 84], было установлено в

ч. 1 п. 653. Анализ данного пункта позволяет выделить признаки подобной информации, делавшие ее отличной от иных видов юридических тайн. Такими признаками, по нашему мнению, являлись следующие:

- соответствующая информация становилась известной служащему вследствие его службы;
- разглашение подобной информации происходило посредством злоупотребления служащим своими служебными полномочиями и могло причинить вред порядку управления и казенному (т. е. служебному) интересу;
- основные источники тайны – правительственные распоряжения, сведения и документы.

Полагаем, что исключительно в организационной целостности указанных компонентов и заключалась специфика канцелярской (служебной) тайны в Российской империи. Вместе с тем представленный перечень ввиду информационного содержания рассмотренного пункта не учитывает важнейший признак канцелярской (служебной) тайны – обработку подобной информации канцелярскими подразделениями и их служащими, который, безусловно, важен и должен быть упомянут наряду с другими признаками.

В свою очередь п. 655 определен краткий перечень информации [12, с. 217], составлявшей, по нашему мнению, канцелярскую (служебную) тайну:

- способы, употребляемые при изготовлении государственных кредитных бумаг или секретных признаков таких бумаг;
- принадлежащий правительству или частному лицу секрет особых приемов производства каких-либо предметов или работ;
- тайны торгов по казенным подрядам или поставкам, когда торги производятся через запечатанные объявления;
- сведения, разглашение которых могло опозорить лицо, к которому они относятся;
- содержание акта, совершенного, по желанию участвовавших в нем, без разглашения его содержания свидетелям, установленным в нотариальной части положения, порядке.

Думается, подобный перечень не являлся окончательным в отношении содержания информации, составлявшей канцелярскую (служебную) тайну. Однако сам факт ее выделения свидетельствует о восприятии соответствующего вида тайны как относительно самостоятельного элемента в рамках системы конфиденциальной информации Российской империи.

К слову, тенденции безразличия, нигилизма, а также низкий уровень правовой культуры, характерные для общества рассматриваемого периода, позволяли властям абсолютно легально засекречивать целые блоки информации. Так, российский исследователь Ю. М. Батурич отмечал, что в период Российской империи «общество находилось в стороне от всех правительственных мероприятий. Считалось, например, что в вопросе о бюджете и состоянии финансов страны лучше держаться тайны, нежели гласности» [15, с. 140].

Вступление Российской империи в Первую мировую войну послужило причиной дальнейшего законодательного забвения канцелярской тайны. Принимаемые в это время нормативные акты в области информации ограниченного доступа регламентировали исключительно во-

просы государственной и военной тайны [16, с. 180–181; 17, с. 8–9]. Подобное положение дел, учитывая революционные события на территории Российской империи, продолжалось вплоть до прихода советской власти.

Как видно, в рассматриваемый период на законодательном уровне было закреплено понятие «канцелярская тайна», которое идентифицировалось в научном мире как «запрещение сообщать посторонним о делах, производящихся в правительственных установлениях» [18].

Как и иные виды информации ограниченного доступа Российской империи, канцелярская тайна являлась в том числе объектом научного рассмотрения со стороны ученых и исследователей. Например, Е. Н. Трубецкой приводит упоминание канцелярской тайны как правовой возможности министерством или иным правительственным учреждением ограничить информацию, содержащуюся в проекте нового закона, от граждан Российской империи [19, с. 356]. В свою очередь, Н. М. Коркунов замечает, что в Российской империи «основные законы предусматривают возможность издания законов, подлежащих тайне» [20, с. 386].

Однако действительно подлинному научному анализу канцелярскую тайну подверг Н. Дингельштедт [21]. В частности, данный исследователь уделил внимание терминологическому аппарату [21, с. 317–318], нормативной регламентации канцелярской тайны в Российской империи и за рубежом, выделив при этом ее субъектный состав (административные учреждения, подведомственные им организации, их должностные лица и т. д.) и объект (дела об иноверческой пропаганде, дела о нравственности, дела о случаях расточительности и т. д.) [21, с. 317–340], ее соотношение с другими видами юридических тайн (отнеся следственную тайну к группе профессиональных тайн) [21, с. 323–325], философско-этический аспект соответствующих отношений [21, с. 331–332].

Тем не менее приходится отмечать, что недостаточная определенность вопроса об историческом генезисе служебной тайны в современной науке дает повод некоторым исследователям утверждать о наличии именно служебной тайны в отношении периода Российской империи [22; 23, с. 19–21] или об ее отсутствии [16, с. 172–183; 24, с. 82–83].

И все же канцелярскую тайну, по нашему мнению, следует в большей степени отождествлять именно со служебной тайной. Это становится понятным при анализе, в частности, ее нормативной правовой регламентации (нормативные акты, определявшие правовой статус органов государственной власти и местного самоуправления, а также государственных служащих), субъектного состава (должностные лица органов государственной власти и местного самоуправления), содержания.

Таким образом, стоит отметить, что нормативный период регламентации служебной тайны в Российской импе-

рии внес исключительно позитивные тенденции с точки зрения ее дальнейшего развития как самостоятельного правового института в системе информации ограниченного доступа.

Именно в данный временной период в отношении рассматриваемого правового феномена были окончательно определены субъектный состав (государственные служащие органов исполнительной власти – в большей степени, Государственного Совета, министерств, местных органов управления), содержание служебной тайны (информация, полученная в ходе осуществления служебных обязанностей и подлежащая ограничению – «тайна по службе»), этическая составляющая (служебная этика), некоторые признаки служебной тайны.

Все перечисленные достижения данного этапа позволяют считать служебную (канцелярскую) тайну самостоятельным видом юридических тайн в рамках права Российской империи, наряду с государственной, коммерческой и иными видами тайн. Вместе с тем, пришедшая ей на смену советская категория «служебная тайна» уже плотно ассоциировалась с государственной тайной, являлась ее дополняющей частью и в большинстве аспектов отвергла представленные выше элементы рассматриваемого правового феномена «имперского» периода, что наложило свой отпечаток на современную правовую форму служебной тайны в Республике Беларусь.

Заключение

Подводя итог, следует сказать, что результаты, достигнутые в ходе рассмотрения вопроса о правовом регулировании служебной тайны в период Российской империи, свидетельствуют о значительном шаге вперед в ее идентификации как самостоятельного правового института. Это подтверждают достижения не только правотворческой, но и научно-теоретической мысли.

Проведенный анализ нормативных и иных источников показывает, что канцелярская (служебная) тайна уже в то время имела свои субъектный состав, содержание, признаки, этический концепт, что позволяло ей быть подлинно независимым правовым феноменом, наряду с иными видами информации ограниченного доступа, а также служить важной составляющей систем информации отдельных государственных органов (Государственного Совета, министерств, иных государственных органов).

Подобные тенденции указывают прежде всего на значимость и непреходящую историко-правовую ценность норм права Российской империи относительно правового института служебной тайны и, таким образом, позволяют среди прочего говорить о поступательном оформлении и становлении прообраза самостоятельной и независимой служебной тайны именно в указанный временной период.

Список цитированных источников

1. Свод законов Российской империи. Том первый. Часть вторая. Учреждения государственные [Электронный ресурс] / Проект «РУНИВЕРС». – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book7372/388147/>. – Дата доступа: 12.01.2015.
2. Коркунов, Н.М. Русское государственное право. Том 2. Часть особенная [Электронный ресурс] / Н. М. Коркунов // Сайт Национально-технической библиотеки Национального исследовательского Томского политехнического университета. – Режим доступа: http://www.lib.tpu.ru/fulltext/m/2009/consultant/korkunov_1_2.pdf. – Дата доступа: 12.01.2015.

3. Генеральный регламент 1720 г. [Электронный ресурс] / Сайт Библиотеки электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/general.htm>. – Дата доступа: 12.01.2015.
4. Свод законов Российской империи. Том второй. Часть первая. Общее губернское учреждение [Электронный ресурс] / Проект «РУНИВЕРС». – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book7372/388149/>. – Дата доступа: 14.01.2015.
5. Полное собрание Законов Российской империи, собрание 3, том 25, отделение 1 [Электронный ресурс] / Проект «РУНИВЕРС». – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book3139/10026/>. – Дата доступа: 10.01.2015.
6. Полное собрание Законов Российской империи, собрание 3, том 23, отделение 1 [Электронный ресурс] / Проект «РУНИВЕРС». – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book3139/10023/>. – Дата доступа: 10.01.2015.
7. Полное собрание Законов Российской империи, собрание 3, том 31, отделение 1 [Электронный ресурс] / Проект «РУНИВЕРС». – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book3139/10036/>. – Дата доступа: 10.01.2015.
8. Свод законов Российской империи. Том третий. Уставы о службе гражданской [Электронный ресурс] / Проект «РУНИВЕРС». – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book7372/388154/>. – Дата доступа: 14.01.2015.
9. Положение о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве [Электронный ресурс] / Библиотека ресурса www.twirpx.com. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/275269/>. – Дата доступа: 12.01.2015.
10. Проект Уголовного уложения Российской империи. Часть 1. Основания уголовного права. СПб., 1813 г. [Электронный ресурс] / Библиотека ресурса [googlebooks](http://books.google.nl/books?id=6WYmAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false). – Режим доступа: <https://books.google.nl/books?id=6WYmAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>. – Дата доступа: 12.01.2015.
11. Свод законов Российской империи. Том пятнадцатый. Законы уголовные [Электронный ресурс] / Проект «РУНИВЕРС». – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book7372/388232/>. – Дата доступа: 14.01.2015.
12. Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. [Электронный ресурс] / Библиотека ресурса www.twirpx.com. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/234494/>. – Дата доступа: 11.01.2015.
13. Рудый, Н. К. Развитие уголовно-правовых норм об ответственности за посягательства на служебную деятельность и личность представителей власти в России в XX в. [Электронный ресурс] / Н. К. Рудый // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2015.
14. Ульяновченко, А. М. Преступные посягательства на неприкосновенность частной жизни : уголовно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. М. Ульяновченко. – Ростов н/Д, 2008. – 202 с.
15. Батурин, Ю. М. Цензура против гласности. От Ивана Грозного до 1917 г. / Ю. М. Батурин // Советское государство и право. – 1989. – № 3. – С. 134–142.
16. Жаров, С. Н. Становление режима секретности в Российском государстве / С. Н. Жаров // Известия высших учебных заведений. Правоведение : Научно-теоретический журнал ; гл. ред. Е. Б. Хохлов. – 2007. – № 5 (274). – С. 171–183.
17. Рабкин, В. А. Исторический генезис правового регулирования защиты государственной тайны в России / В. А. Рабкин // Информационное право. – 2006. – № 4 (7). – С. 7–11.
18. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том 14 : Калака – Кардамь. Статья «Канцелярская тайна». – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1895.
19. Трубецкой, Е. Н. Труды по философии права / Е. Н. Трубецкой ; вступ. ст., сост. и примеч. И. И. Евлампиева. – СПб., 2001. – 543 с.
20. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов ; [сост., автор вступ. ст., коммент. А. Н. Медушевский]. – М., 2010. – 520 с.
21. Дингельштедт Н. Канцелярская тайна у нас и за границей [Электронный ресурс] / Библиотека ресурса www.twirpx.com. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/709775/>. – Дата доступа: 12.01.2015.
22. Акишин, М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века : структура и состав государственного аппарата : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / М.О. Акишин. – Новосибирск, 2003. – 391 с.
23. Корсун, Р. В. Правовой институт государственной тайны и его отражение в законодательстве государств, входящих в СНГ : дис. ... канд. юрид. наук : 05.13.19 / Р. В. Корсун. – М., 2007. – 220 с.
24. Махотина, Н. В. Фонд литературы ограниченного распространения в научных библиотеках : дис. ... канд. пед. наук : 05.25.03 / Н.В. Махотина. – Новосибирск, 2011. – 233 с.

25.11.2015